
Малое
собрание
сочинений

Жорж
СИМЕНОН

Малое
собрание
сочинений

Санкт-Петербург

Первое дело Мегра

ГЛАВА I

Показания флейтиста

Черная балюстрада делила комнату на две части. Со стороны, предназначенной для посетителей, возле выбеленной известью стены, увешанной объявлениями, стояла одна черная скамья без спинки. С другой стороны виднелись столы, чернильницы, стеллажи с пухлыми регистрационными журналами, тоже черные, так что все в комнате было черно-белым. Но самое главное — на листе железа возвышалась чугунная печка, какие сегодня можно встретить лишь на вокзалах небольших городов, с трубой, которая сначала поднималась к потолку, затем изгибалась, шла через всю комнату и исчезала в стене.

Полицейского с румяным лицом, который расстегнул свой мундир и пытался уснуть, звали Лекёр.

Часы с круглой черной окантовкой показывали двадцать пять минут второго. Время от времени потрескивал единственный включенный газовый рожок. Иногда без видимой причины начинала гудеть печка.

На улице спокойствие ночи временами нарушалось все более редкими взрывами петард, песней какого-нибудь пьяницы или шумом фиакра, проезжающего по мостовой.

За столом слева сидел секретарь комиссариата квартала Сен-Жорж и, как школьник, шевелил губами, склонившись над недавно вышедшей брошюрой «Курс описания примет (словесный портрет) для офицеров и инспекторов полиции».

На внутренней стороне обложки чья-то рука вывела печатными буквами: «Ж. Мегрэ».

Уже в третий раз с начала ночи молодой секретарь комисариата вставал, чтобы помешать угли в печке. Именно об этой печке он будет с ностальгией вспоминать всю свою жизнь и почти такую же увидит однажды на набережной Орфевр, которую позже, когда в помещениях криминальной полиции установят центральное отопление, окружной полицейский комиссар Мегрэ, начальник специальной бригады, сохранит в своем кабинете.

Дело было 15 апреля 1913 года. Криминальная полиция в ту пору еще называлась сыскной. Утром некий иностранный монарх торжественно прибыл на вокзал Лонгшам, где его встретил президент республики. Правительственные ландо в сопровождении парижской жандармерии при полном параде прошествовали по авеню дю Буа до Елисейских Полей между двумя рядами людей и знамен.

В Опере устроили пышные торжества, на улицах взрывались фейерверки, толпа веселилась вовсю, и шум народных гуляний только начинал стихать.

Полиция была измучена. Несмотря на принятые меры безопасности, предусмотрительно произведенные аресты и достигнутые договоренности с потенциально опасными лицами, все до самого конца опасались взрыва бомбы какого-нибудь анархиста.

Кроме Мегрэ и агента Лекёра, в половине второго ночи в полицейском участке Сен-Жорж на тихой улице Ларошфуко никого не было.

Оба подняли головы, услышав торопливые шаги по тротуару. Дверь распахнулась. Молодой мужчина, запыхавшись, озирался вокруг, ослепленный светом газового рожка.

- Где комиссар? — спросил он прерывающимся голосом.
- Я его секретарь, — ответил Мегрэ, не вставая со стула.

Он еще не знал, что с этой минуты начинается его первое в жизни расследование.

Мужчина был светловолосым, щуплым, с голубыми глазами и лихорадочным румянцем на щеках. Поверх фрака было надето серо-бежевое пальто, в одной руке он держал шляпу-котелок, а другой время от времени ощупывал свой распухший нос.

— На вас напали хулиганы?

— Нет. Я пытался помочь женщине, звавшей на помощь.

— На улице?

— В особняке на улице Шапталь. Мне кажется, вам нужно срочно туда отправиться. Он вытолкнул меня за дверь.

— Кто?

— Слуга вроде дворецкого или консьержа.

— Может, расскажете все с самого начала? Что вы делали на улице Шапталь?

— Возвращался с работы. Меня зовут Жюстен Минар. Я работаю вторым флейтистом в оркестре «Концерты Ламурё», но по вечерам играю в ресторане «Клиши». Живу я на улице Энгьен, напротив редакции «Пти Паризьен». Каждую ночь я прохожу через улицу Балю, затем иду по улице Шапталь.

Как добросовестный секретарь, Мегрэ записывал показания блондина.

— Где-то посередине улицы, которая почти всегда безлюдна, я заметил припаркованный автомобиль «дион-бутон» с работающим двигателем. За рулем сидел мужчина, одетый в серую кожаную куртку, а его лицо было почти полностью скрыто за темными очками. Когда я с ним поравнялся, на третьем этаже распахнулось окно.

— Вы запомнили номер дома?

— Семнадцать-бис. Это особняк с воротами. Все остальные окна были темными. Свет горел лишь во втором окне слева, в том, которое открылось. Я поднял голову и увидел женщину, которая попыталась выглянуть и крикнула: «На помощь!..»

— И что вы сделали?

— Погодите. Кто-то из находившихся в комнате, должно быть, дернул ее назад. В тот же момент раздался выстрел. Я обернулся к автомобилю, мимо которого только что прошел, и тот резко рванул с места.

— Вы уверены, что услышали не звук мотора, а именно выстрел?

— Да, уверен. Я подошел к двери и позвонил.

— Вы были один?

— Да.

— Вооружены?

— Нет.

— И что вы собирались делать?

— Но...

Вопрос настолько сбил с толку флейтиста, что он растерянно замолчал. Если бы не его светлые усы и несколько волосков на бороде, ему вполне можно было дать лет шестнадцать.

— Соседи что-нибудь слышали?

— Судя по всему, нет.

— Вам открыли дверь?

— Не сразу. Я позвонил трижды. Затем принялся стучать ногой в дверь. В конце концов я услышал шаги, кто-то снял цепочку, отодвинул засов. Вход был не освещен, но прямо напротив дома стоит газовый фонарь.

Один час сорок семь минут. Флейтист время от времени с тревогой поглядывал на часы.

— Высокий тип в черном костюме дворецкого спросил, что мне нужно.

— Он был полностью одет?

— Ну да.

— В брюках и при галстукe?

— Да.

— И при этом в доме не было света?

- Кроме комнаты на третьем этаже.
  - Что вы ему сказали?
  - Не помню. Я хотел пройти.
  - Зачем?
  - Чтобы посмотреть, что происходит. Он преградил мне путь. Я сказал ему о женщине, звавшей на помощь.
  - Его это смутило?
  - Он угрюмо смотрел на меня и молча пытался отгеснить к двери.
  - Что потом?
  - Буркнул, что мне почудилось, что я пьян, что-то еще в этом же роде, а затем из темноты раздался голос, словно говорили с лестничной площадки второго этажа.
  - Что именно сказали?
  - «Поторопитесь, Луи!»
  - А дальше?
  - Он принялся толкать меня еще сильнее, а поскольку я сопротивлялся, ударил меня по лицу. Я очутился на тротуаре перед закрытой дверью.
  - На третьем этаже все еще горел свет?
  - Нет.
  - Машина не возвращалась?
  - Нет. Может быть, нам уже пора туда пойти?
  - Нам? Вы что же, намерены меня сопровождать?
- Это было одновременно комично и трогательно: контраст между почти женственной хрупкостью флейтиста и его полным решимости видом.
- Разве не я только что получил по физиономии? Кстати, я подаю жалобу.
  - Это ваше право.
  - Но нам лучше заняться этим прямо сейчас. Вы не находите?
  - Вы назвали мне номер дома?
  - Семнадцать-бис.

Мегрэ нахмурился, поскольку этот адрес был ему смутно знаком. Он снял с полки один из толстых журналов, полистал его и прочел имя, которое заставило его нахмуриться еще больше.

В этот вечер он был в мундире. Более того, это был его первый мундир. Вышедшая несколько дней назад служебная записка предписывала всему вспомогательному составу полиции по случаю королевского визита быть в форме, потому что каждого из них в любой момент могли вызвать к официальным лицам.

Его серо-бежевое пальто, купленное в магазине готовой одежды, было как две капли воды похоже на пальто Жюстена Минара.

— Идемте! Лекёр, если меня будут спрашивать, скажите, что я скоро буду.

Мегрэ был немного взволнован. Имя, которое он только что прочел в журнале, вселяло в него тревогу.

Ему было двадцать шесть лет, и вот уже пять месяцев он был женат. С тех пор как четыре года назад он поступил на службу в полицию, ему приходилось исполнять самые скромные обязанности, дежуря в общественных местах, на вокзалах, в крупных магазинах, а должность секретаря в комиссариате квартала Сен-Жорж он получил меньше года назад.

Так вот, во всем квартале наибольшим авторитетом пользовалась как раз фамилия обитателей дома 17-бис по улице Шапталъ.

Жандро-Бальтазар. Кофе «Бальтазар». Эти огромные коричневые буквы красовались во всех переходах метро. А по улицам разъезжали фургоны торгового дома «Бальтазар», запряженные четверкой лошадей с роскошной упряжкой, и в некотором роде они были частью парижского облика.

Мегрэ тоже пил кофе «Бальтазар». Проходя по авеню Опера, всякий раз, поравнявшись с оружейной лавкой, он вдыхал приятный запах жареного кофе, выставленного в витрине магазина «Бальтазар».

Ночь была ясной и холодной. На уходящей под уклон улице не было ни души, ни одного фиакра в пределах видимости. Мегрэ в ту пору был почти таким же худым, как и флейтист, так что они напоминали двух подростков, шагающих рядом.

- Надеюсь, вы не пили?
- Я вообще не пью. Мне врач запретил.
- Вы уверены, что видели, как открылось окно?
- Абсолютно уверен.

Впервые за все время Мегрэ действовал самостоятельно. До сих пор он лишь сопровождал своего шефа месье Ле Брета, самого светского комиссара в Париже, при нескольких полицейских облавах, четыре из которых были связаны с судебным констатированием адюльтера.

Улица Шапталъ была такой же безлюдной, как и улица Ларошфуко. В особняке Жандро-Бальгазаров, самом красивом здании в квартале, свет нигде не горел.

— Вы говорили, что здесь стоял припаркованный автомобиль?

- Да, как раз на этом месте.

Это было не совсем напротив двери, а чуть выше. Мегрэ, начитавшийся различных инструкций для полицейских, зажег спичку и склонился над мощеной мостовой.

— Вот видите! — торжествуя воскликнул музыкант, показывая на широкую лужу темного масла.

— Пойдемте. Правда, не очень-то правильно, что вы меня сопровождаете.

- Но ведь это я получил по физиономии!

И все же Мегрэ было страшновато. Подняв руку к звонку, он почувствовал, как у него сжалось сердце. Он не знал, на что может сослаться, врываясь в дом посреди ночи. У него не было ни ордера, ни какого-либо другого документа. Можно ли говорить о преступлении, если единственным вещественным доказательством является распухший нос флейтиста?

Как и музыканту, ему пришлось звонить три раза, но стучать в дверь ногой он не стал. В конце концов изнутри слышалось:

- Кто там?
- Полиция! — не очень твердым голосом произнес Мегрэ.
- Одну секунду, схожу за ключом.

Под козырьком раздался щелчок. В особняке зажегся свет. Затем пришлось долго ждать.

- Это он, — подтвердил музыкант, который узнал голос.

Наконец за дверью сняли цепочку, отодвинули засов, и появилось заспанное лицо мужчины, взгляд которого скользнул по Мегрэ и остановился на Жюстене Минаре.

— А, вы его все-таки поймали! — воскликнул мужчина. — Полагаю, он решил еще где-то пошутить?

- Вы позволите нам войти?

— Если считаете это необходимым. Прошу вас не шуметь, чтобы не разбудить весь дом. Следуйте за мной.

Слева, над тремя мраморными ступеньками, располагалась двустворчатая застекленная дверь, выходящая в холл с колоннами. Впервые в жизни Мегрэ оказался в таком роскошном доме, интерьер которого своей величием напоминал торжественные залы министерства.

- Вас зовут Луи?
- Откуда вам это известно?

Луи открыл дверь, выходящую не в залы, а в нечто вроде служебного помещения. На нем не было костюма дворецкого. Казалось, он только что встал с постели, поскольку был в белой ночной сорочке с красной вышивкой на вороте и наспех одетых брюках.

- Месье Жандро-Бальтазар дома?
- Который? Отец или сын?
- Отец.

— Месье Фелисьен еще не вернулся. А его сын, месье Ришар, давно спит. Где-то полчаса назад этот пьянчужка...

Луи был высоким и широкоплечим. На вид ему было лет сорок пять, его гладко выбритый подбородок отдавал синевой, глаза были темными, а черные брови — необычно густыми.

Мегрэ нервно сглотнул и произнес, словно бросаясь в воду:

- Я хотел бы поговорить с месье Ришаром.
- Вы хотите, чтобы я его разбудил?
- Именно так.
- Покажите ваши документы.

Мегрэ протянул ему свое удостоверение префектуры полиции.

- Как давно вы работаете в нашем квартале?
- Десять месяцев.
- Вы относитесь к комиссариату Сен-Жорж?
- Так точно.
- Значит, вы знакомы с месье Ле Бретом?
- Это мой шеф.

Тогда Луи произнес с напускным безразличием, в котором сквозила плохо скрытая угроза:

— Я тоже с ним знаком. Я имею честь обслуживать его, когда он приходит сюда на обед.

Он выждал несколько секунд, глядя в сторону.

— Вы по-прежнему хотите, чтобы я разбудил месье Ришара?

- Да.
- И у вас есть ордер?
- Нет.
- Прекрасно. Прошу вас немного подождать.

Прежде чем уйти, он достал из шкафа накрахмаленную манишку, ворот и черный галстук. Затем надел висевший на вешалке фрак.

В комнате стоял только один стул. Ни Мегрэ, ни Жюстен не селись. Их окружала тишина. Весь особняк был

погружен в полумрак. Это выглядело очень торжественно, очень внушительно.

Дважды Мегрэ доставал свои часы из жилетного кармана. Луи появился только через двадцать минут, все с тем же ледяным видом.

— Прощу вас следовать за мной...

Минар хотел было отправиться вместе с Мегрэ, но дворецкий повернулся к нему и отчеканил:

— А вы останетесь здесь. Если только вы тоже не полицейский.

Мегрэ чувствовал себя неловко. Он считал малодушием оставлять щуплого флейтиста одного. Комната, отделанная темным деревом, на секунду показалась ему тюремной камерой, и он представил, как дворецкий с синеватым подбородком возвращается сюда, чтобы наброситься на свою жертву.

Вслед за Луи он пересек холл с колоннами и стал подниматься по лестнице, покрытой темно-красным ковром.

Горело лишь несколько ламп с желтоватыми прожилками, отбрасывая вокруг широкие тени. Дверь, ведущая на лестничную площадку второго этажа, была открыта. В освещенном проеме двери стоял человек в домашнем халате.

— Мне сказали, что вы хотите со мной поговорить. Входите, прошу вас. Оставьте нас, Луи.

Комната служила одновременно гостиной и кабинетом. Стены были обтянуты кожей, пахло сигарами и духами, аромат которых был незнаком Мегрэ. Сквозь приоткрытую дверь виднелась спальня с разобранной кроватью под балдахином.

Под халатом Ришар Жандро-Бальгазар был одет в пижаму, на босых ногах красовались шлепанцы из юфтевой кожи.

Ему было, по всей видимости, около тридцати лет. Темные волосы обрамляли лицо, которое казалось бы вполне заурядным, если бы не кривой нос.

— Луи сказал мне, что вы относитесь к комиссариату квартала?

Он открыл искусно украшенную коробку с сигаретами и подвинул ее к посетителю, но тот отрицательно покачал головой.

— Вы не курите?

— Только трубку.

— Я не буду предлагать вам закурить, поскольку не выношу запаха дыма от трубчатого табака. Полагаю, что, прежде чем прийти сюда, вы позвонили моему другу Ле Брету?

— Нет.

— А! Прошу прощения, я не очень хорошо разбираюсь в тонкостях вашей профессии. Ле Брет часто приходит в этот дом, и, скажу вам сразу, вовсе не в качестве комиссара полиции. Впрочем, в нем так мало от полицейского! Это вполне приличный человек, а его жена просто очаровательна. Но вернемся к делу. Который сейчас час?

Он сделал вид, что ищет часы, и Мегрэ пришлось вынуть из кармана свою серебряную луковичу.

— Двадцать пять минут третьего.

— А светать в это время года начинается около пяти утра, не так ли? Мне это известно, поскольку иногда ранним утром я совершаю конные прогулки по Булонскому лесу... Я думал, что жилище граждан считается неприкосновенным от заката до восхода солнца.

— Это так, но...

Он перебил Мегрэ:

— Заметьте, что я говорю это только для того, чтобы освежить вашу память. Вы молоды и наверняка не так давно в профессии. Это удача, что вы попали к другу вашего шефа. И полагаю, у вас есть веские основания для вторжения в этот дом. Луи в двух словах рассказал мне суть проблемы. Возможно, человек, которого он вышвырнул за дверь, оказался опасным типом? Но даже в этом случае вы могли бы дожидаться утра, не так ли? Присаживайтесь, прошу вас.

Сам он садиться не стал, а принялся рассказывать по комнате, выпуская дым из своей египетской сигареты с позолоченным мундштуком.

— Теперь, когда я преподавал вам этот маленький, но заслуженный урок, спрашивайте, что вас интересует.

— Кто занимает комнату этажом выше?

— Простите?

— Я понимаю, что вы не обязаны мне отвечать, во всяком случае сейчас.

— Обязан?.. — повторил Ришар, изображая крайнее изумление.

И Мегрэ, чувствуя, как горят его уши, выпалил:

— В этой комнате ночью кто-то стрелял.

— Да что вы такое говорите? Вы в своем уме?.. Или выпили лишку в связи с народными гуляньями?

На лестнице послышались шаги. Дверь оставалась открытой, и Мегрэ увидел на лестничной площадке силуэт, словно сошедший с обложки журнала «Ля ви Паризьен», — мужчина, одетый во фрак, плащ и шляпу-цилиндр. Он был худым и старым, и его тонкие усы с загнутыми кончиками были явно крашеными.

Он в нерешительности замер на пороге с удивленным и несколько испуганным видом.

— Входите, отец. Думаю, вас это позабавит. Вот этот месяц служит у Ле Брета...

Удивительное дело: хотя Фелисьен Жандро-Бальтазар не выглядел пьяным, вид у него был неуверенный и какой-то странный.

— Вы видели Луи? — продолжил сын.

— Он внизу с каким-то мужчиной.

— Вот именно. Этот пьяница — если только он не псих, сбежавший из клиники Вильжюиф, — некоторое время назад чуть не вышиб входную дверь. Луи спустился, и ему стоило огромных трудов выпроводить проходимца. Теперь месяц...

Он сделал вопросительную паузу.

— Мегрэ.

— Месяц Мегрэ, который служит секретарем у нашего друга Ле Брета, пришел сюда, чтобы спросить меня... А что вы, собственно, хотите узнать?